

УДК 351.74
ББК 67.401.133.12

ОПЫТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ И РЕВОЛЮЦИОННОМУ РАДИКАЛИЗМУ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

Е. А. Куликов

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

В статье обобщается опыт противодействия организованным и стихийным проявлениям преступности террористической направленности и революционному радикализму, накопленный правоохранительными органами Российской империи во второй половине XIX — начале XX в. Целью исследования выступает осмысление противодействия терроризму и революционному движению в Российской империи как угрозам ее устойчивого развития. Анализируются аспекты взаимодействия радикализма и терроризма с различными слоями социума, отношение различных социальных групп к проявлениям этих явлений. Исследование представляет собой ретроспективный анализ исторического социально-негативного явления — терроризма и революционного радикализма, а также опыта противодействия этому явлению в социально-историческом и политико-правовом контексте.

Ключевые слова: террористическая угроза, революционный радикализм, политический терроризм, охранительная политика, уголовная политика, детерминанты терроризма, противодействие преступности.

THE EXPERIENCE OF COUNTERING TERRORISM AND REVOLUTIONARY RADICALISM IN THE RUSSIAN EMPIRE (QUESTIONS OF THEORY)

E. A. Kulikov

Altai State University (Barnaul, Russia)

The article summarizes the experience of countering organized and spontaneous manifestations of terrorist-oriented crime and revolutionary radicalism accumulated by law enforcement agencies of the Russian Empire in the second half of the XIX — early XX century. The aim of the study is to comprehend the counteraction to terrorism and the revolutionary movement in the Russian Empire as threats to its sustainable development. The aspects of the interaction of radicalism and terrorism with various layers of society, the attitude of various social groups to the manifestations of these phenomena are analyzed. The study is a retrospective analysis of the historical socio-negative phenomenon of terrorism and revolutionary radicalism, as well as the experience of countering this phenomenon in a socio-historical and political-legal context.

Keywords: terrorist threat, revolutionary radicalism, political terrorism, protective policy, criminal policy, determinants of terrorism, countering crime.

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2022\)4.5](https://doi.org/10.14258/ralj(2022)4.5)

Феномен терроризма в России во второй половине XIX — начале XX в. выступает довольно исследованным в научной (прежде всего исторической) литературе явлением. Можно назвать работы О. В. Будницкого [1], О. Н. Квасова [2], В. Н. Смирнова [3], Ю. А. Сафроновой [4]. Терроризм исследуется как историческое явление с фактологической точки зрения, но не рассматриваются его сущность, общественная опасность, преступный характер. Некоторые исследователи, особенно советского периода [5] игнорируют причиненные террористическими актами жертвы среди

мирного населения и общий деструктивный характер терроризма в целом. В философской литературе определяются сущность терроризма, его обусловленность нигилизмом [6], взаимосвязь с интеллигентским просвещенным обществом [7], исследуются этические аспекты терроризма [8].

Политический терроризм в Российской империи — исторически самобытное, уникальное по общественной опасности, состоянию, структуре и динамике явление, борьба с которым составляет часть развития отечественной государственности и нуждается в теоретическом осмыслении и обобщении. Показательно в этом отношении исследование Н. Д. Литвинова [9]. В своей работе он рассматривает государственный и общественный строй России того периода в целом с точки зрения государственно-правовой науки. В результате самому терроризму как социально-криминологическому явлению уделяется недостаточное внимание.

В некоторой степени пробелы в юридической науке, связанные с исследованиями истории терроризма в России как социально-правового явления, пытается преодолеть М. Б. Колотков [10], который рассматривает эту проблему с позиции формирования государственной политики противодействия терроризму, развития ее юридической стороны. Надо сказать, что в подходе указанного ученого вопросы вызывают лишь акценты, он обстоятельно анализирует средства воздействия, но объекта воздействия касается между делом и мимоходом. Кроме того, и М. Б. Колотков, и Н. Д. Литвинов не затрагивают самого революционного движения, а ведь именно оно породило терроризм, питало его и определило социальный контекст его формирования.

С теоретико-правовой точки зрения опыт противодействия терроризму и породившему его революционному движению можно представить в виде нескольких обобщений. Первое обобщение касается самого исторического негативного явления — политического терроризма в Российской империи [3]. Данный вид преступности возник вследствие ряда причин, ему способствовали определенные условия, в том числе далеко не всегда негативное восприятие в глазах так называемого прогрессивного общества [4]. Нужно также сказать, что политический терроризм XIX — начала XX в. не следует отрывать от революционного движения. Хотя в дальнейшем, особенно в ходе революции 1905–1907 гг., между ними происходит определенное размежевание и терроризм выходит за рамки революционных партий и становится во многом общеуголовной преступностью [11], невозможно отрицать между ними генетическую связь [2]. Именно революционное, прежде всего народническое, движение породило терроризм.

Политический терроризм обусловил необходимость обособления соответствующего ему направления уголовно-правовой политики и уголовной политики в целом в рамках государственно-правовой политики противодействия преступности Российской империи. Вид преступности породил правовое регулирование ответственности за ее совершение, правовое регулирование противодействия ей и соответствующие этому правовому регулированию фактические организационные и другие мероприятия. В связи с этим второе и третье теоретические обобщения касаются формирования правовой основы противодействия зародившемуся терроризму (в том числе уголовно-правовой) и организационной основы для реализации сформулированных правовых обобщений. Правовая основа при этом формируется постепенно и получает относительно полное юридическое закрепление уже после первой русской революции 1905–1907 гг. [12]. Одной из причин медленного становления нормативно-правовой базы противодействия терроризму в России второй половины XIX — начала XX в. можно считать трудности с признанием существования такого явления, его социальной опасности и необходимости особого ему противодействия.

Несколько иначе обстояли дела с организационными и фактическими мерами противодействия терроризму. Здесь следует различать борьбу с терроризмом и борьбу с политической преступностью в принципе. Некоторые сложности возникали с формированием особых антитеррористических служб среди всей системы российского политического сыска. Кроме того, некоторые приемы и методы можно с современных позиций оценить неоднозначно. Во многом применение этих методов противодействия (например, провокация) вело не к социально полезным, а к социально негативным результатам. Тем не менее система организационно-тактического противодействия была более динамичной, чем позитивное право. В исторической перспективе мы можем говорить о, по меньшей мере, двух периодах успешного противостояния терроризму — это эпоха императора Александра III и период между первой и второй русскими революциями.

Политический терроризм, именуемый Н. Д. Литвиновым криминальным антигосударственным терроризмом [9], в России второй половины XIX — начала XX в. можно определить исходя из его системных свойств. Причем системность этого негативного социально-правового явления может быть рассмотрена как извне, так и изнутри. Внутренняя системность российского политического терроризма довольно подробно исследована, например, историками [2] и, как правило, сводится либо к раскрытию структуры террористических организаций в России в период народовольческого или эсеровского терроризма [1], либо представляет собой достаточно подробное описание типичных и нетипичных течений, движений и группировок террористической направленности того или иного периода [11]. О. В. Будницкий, кроме того, как, впрочем, и некоторые другие ученые, рассматривает как предшествующие народовольческому терроризму течения, так и террористические группы, существовавшие в период между деятельностью «Народной воли» и Боевой организации Партии социалистов-революционеров (далее — БО ПСР) [1]. По поводу внутрисистемных характеристик российского политического терроризма второй половины XIX — начала XX в. можно отметить, что он переживает переход от терроризма как прерогативы некоего избранного «ордена» в рамках крайней революционной партии до относительно массового явления, не поддающегося никакому упорядочению, в годы первой русской революции 1905–1907 гг. Кстати говоря, есть основания называть эту революцию именно революцией террористической, поскольку начало ей было положено крупными терактами БО ПСР против двух министров внутренних дел России (Д. В. Сипягин и В. К. Плеве), а в своем основном течении она вошла в историю как разгул террористических актов против различных представителей государственной власти и господствующего класса в целом.

Определенный интерес представляют для исследователя попытки центрального руководства партии эсеров и социал-демократов отмежеваться от терроризма, особенно после терактов, повлекших наибольшее число жертв. При этом стоит иметь в виду, что кроме лозунгов была еще и реальная политическая практика, в рамках которой терроризма не чурались не только эсеры, но и большевики, что убедительно следует из документов, приводимых О. В. Будницким [13].

В целом необходимо заметить, что российский политический терроризм революционного и околореволюционного движения в начале XX в. характеризовался с внутренней стороны неоднородностью, разобщенностью, слабой подконтрольностью террористических групп общему управляющему центру и как массовое явление пришел на смену изначально замкнутому, централизованному, конспиративному терроризму исполнительного комитета партии «Народная воля» и терроризму БО ПСР 1901–1905 гг. Ранние версии терроризма имели разрушительное воздействие для Российского государства и общества в силу ошеломляющего эффекта, поздние версии разрушали государственный и общественный строй своей массовостью [14].

Анализ государственного механизма России на предмет его взаимосвязи и контактов с преступным противогосударственным терроризмом проводит Н. Д. Литвинов [9]. Можно говорить о двух уровнях познания искомого явления. Первый, общекультурный, уровень представляют собой сформировавшиеся в исследуемый период закономерности взаимодействия террористической преступности и социума в целом. Хотя надо иметь в виду, что под социумом подразумевается лишь незначительная прослойка российского общества — дворянство, разночинная интеллигенция, отчасти рабочий класс, находящийся на тот период в стадии формирования, национальные элиты окраин. Подавляющее большинство населения — российское крестьянство — к терроризму как таковому относилось негативно и стало применять похожие методы борьбы, только когда бунт вышел за рамки «барских забав» и стал похож на новую версию «пугачевщины». Бунтовали при этом голытьба, однодворцы, бобыли [15]. Второй уровень, его условно можно назвать специальнокультурным, определяется взаимоположением террористической преступности в общей массе революционного движения, в том числе в его радикальном крыле.

По поводу первого уровня необходимо согласиться с Ю. Сафроновой: «Русское общество в этой ситуации отнюдь не оставалось пассивным зрителем, за благосклонное отношение которого боролись правительство и революционеры. Внутри его существовали различные группы, сплоченные общими интересами, которые пытались использовать создавшееся положение, чтобы повлиять как на правительство, так и на других представителей общества» [4]. Выделим три этапа, или три стадии взаимодействия обобщенного, абстрактного «общества» (именно к такому обществу зачастую оперируют в полемике, ссылаясь на пресловутое общественное мнение, т. е. мнение тех, кого не спрашивали).

Первый — генетический, порождение обществом терроризма. Несмотря на резкость такого тезиса, есть определенные основания полагать, что в появлении народовольческого и эсеровского терроризма заслуга «прогрессивного общества» [16]. Общество, породившее декабристов, среди которых П. И. Пестель высказывает и последовательно отстаивает мысль о допустимости, или даже о необходимости цареубийства и вообще ликвидации царской фамилии [8], вызвало к жизни и их более радикальных последователей. Вторым этапом можно считать сочувствие как пассивное одобрение.

Поворотными этапами являются теракты, приведшие к «избыточным», с точки зрения социума, жертвам, с которых начинается третий этап — этап отрицания, отмежевания, но при этом внутри-социального раскола. Общество раскалывается, та его часть, которая продолжает принимать террористов, замолкает, в душе сочувствуя, но при этом прозревают многие сторонники терроризма и становятся убежденными монархистами. Показательны примеры Л. А. Тихомирова, Ф. М. Достоевского и других мыслителей, которые в юности увлекались революционеризмом. Л. А. Тихомиров был даже народовольцем, но взгляды претерпели радикальный поворот, и он стал активным защитником и идеологом монархической государственности.

Эсеровский терроризм имел аналогичные последствия в виде радикального раскола в интеллигентской среде. Квинтэссенцией такого раскола выступил сборник «Вехи» — «плод» первой русской революции 1905–1907 гг. [17], а также реакция на него, и еще более антиреволюционный и антитеррористический сборник «Из глубины» — такой же «плод», но уже революции 1917 г. [18]. Авторы выразили идею радикального непринятия революционного насилия, в особенности терроризма. Аналогичные идеи выражены данными мыслителями и в других трудах.

Специальный контекст образует революционное движение в широком смысле. Советская историография дает примеры весьма позитивной оценки разнообразного революционного движения времен империи, граничащие порой с его героизацией [5]. Более сдержанны постсоветские исследователи, в ряде работ авторы прослеживают путь через революционное движение к терроризму, называя прошедших этот путь «отщепенцами» [19]. Стоит отметить, что революционное движение всегда балансировало на грани и склонившиеся от этой грани к насилию далеко не всегда были политическими идеалистами, как подробно показано А. Гейфман, в ходе и после первой русской революции 1905–1907 гг. [11], а многие представляли уголовный мир. Но даже те революционеры-террористы, которые выступали с идеалистических позиций, но допускали насилие ради решения им казавшихся правильными задач, уже по этой причине становились преступниками. Н. Н. Страхов отметил в «Письмах о нигилизме»: «журналист и политик сделали почти синонимами обманщика, и ни за какого революционера нельзя ручаться, что из него не выйдет преступник» [6]. Революция как резкий переход от одного качественного состояния социума в другое сама по себе предполагает радикализм действующих сил. Вопрос лишь в том, какими методами пользуются те или иные силы, индивидуальными актами или же массовыми. В связи с этим важен и адекватный ответ, способный выступить соразмерным угрозой устойчивому развитию.

В противодействии терроризму в России XIX — начала XX в. можно выделить несколько содержательных элементов. Во-первых, это государственные реформы, причем реформы двоякого рода. С одной стороны, реформы либеральные — крестьянская, судебная, земская, городская, военная и т. п., с другой — реформы охранительные, укрепляющие государственный аппарат, повышающие его централизацию и вертикаль власти [9]. Несправедливо реформаторство ограничивать политикой Александра II, а правление его сына Александра III называть периодом контрреформ. Как убедительно показывают А. Н. Боханов и ряд других историков [20], именно Александр III довел реформы отца до логического завершения и исправил ряд его ошибок [21]. Это, так сказать, глобальный, масштабный опыт противодействия терроризму, имевший характер общепредупредительного воздействия, дабы исключить слабые места, по которым могли бы бить террористы. Успешный это опыт или нет, сказать однозначно сложно, отметим лишь, что революция и крушение империи, которые могли состояться и в 1861 г., и в 1881 г., произошли только в 1917 г. Даже первая русская революция 1905–1907 гг. не завершилась крушением страны, за ней последовало еще 10 лет ее существования и относительно устойчивого развития.

Во-вторых, это формирование и развитие антитеррористических органов государственной власти. Политический сыск в России существовал издавна, можно вспомнить и Приказ тайных дел (XVII в.), и сменивший его Преображенский приказ, и Третье отделение собственной Его Импера-

торского Величества канцелярии. Но во времена, когда угроза политической безопасности достигла апогея в виде деятельности террористических организаций, понадобились специальные организационные мероприятия по противодействию нового рода посягательствам. Подробно формирование контртеррористических органов власти в разные периоды XIX — начала XX в. описывает М. Б. Колотков [10]. В общем, можно отметить, что Департамент полиции и охранные отделения на местах, управление заграничной агентуры и ряд других органов в качестве важнейшей своей функции приобретают задачу противодействия терроризму [14]. Однако специализированной антитеррористической службы, которая централизованно занималась бы борьбой с антигосударственной деятельностью террористических организаций и групп, и только ею, так до 1917 г. создано и не было (за исключением групп, не имеющих официального статуса), что можно считать просчетом в уголовной политике Российской империи. Разные органы, задействованные в противодействии терроризму, зачастую занимались не этим, а решением собственных проблем, сведением счетов, конкуренцией и т. п. [12].

В-третьих, это организационно-практические мероприятия, методы и методики противодействия терроризму, применяемые правоохранительными органами Российской империи. Прежде всего — наружное наблюдение и охрана лиц и объектов [14]. При грамотной организации меры оказывались достаточно эффективными, но иногда имелись и некоторые промахи, способные поставить ряд операций под угрозу срыва. Также это перлюстрация, дававшая немалый материал для предотвращения готовящихся актов и задержания террористов [22]. Наконец, особо необходимо отметить «метод» провокации [23]. В этом плане интересен феномен Е. Ф. Азефа [24], который хотя и достаточно основательно исследован [25], но так до конца и не понят. В целом можно заключить, что провокация и провокаторство одинаково разлагающе воздействовали как на революционные террористические организации, так и на государственные органы, им противостоявшие, что препятствовало ускоренному преодолению терроризма и на годы затягивало борьбу с ним.

Наконец, в-четвертых, необходимо сказать об идеологическом противостоянии этому явлению. Как метко указал выдающийся идеолог охранительной государственности М. Н. Катков, «дурная книга может поколебать нравственные правила в молодом человеке, развратить его, сделать его негодяем, уголовным преступником» [26]. Уже тогда осознавалась сила революционной пропаганды и необходимость ответной силы для противодействия ей. Общество осознает это, осознает в лице лучших своих представителей растущую угрозу, направление почвенничества, классическое охранительство и даже относительно либеральная интеллигенция [17] выступают против терроризма, радикализма и революционного движения в целом. Этот потенциал антитеррористической деятельности до сегодняшнего дня практически не изучен, властями Российской империи практически не использован, можно предположить даже, что мыслители антитеррористического и антиреволюционного толка отработали в свою современность в холостую. Задача последующих поколений — использовать этот опыт и не допустить повторения истории в новом веке.

Таким образом, опыт противодействия терроризму в России в период между крестьянской реформой 1861 г. и революцией 1917 г. имеет как негативные, так и позитивные черты. Негативными следует считать применение некоторых противоречивых по своей сути методов (метод провокации), запоздалые и не всегда адекватные реакции на возникающие угрозы, недооценку опасности терроризма и революционного движения. Сущность терроризма в исследуемый период определяют неадекватная оценка его лидерами политических процессов, предпочтение насилия и революции ненасильственным и эволюционным методам развития социума и государства, а иногда и личные мотивы. При этом с внутрисистемных позиций наблюдается постепенная трансформация объединений террористов и революционеров-радикалов по типу замкнутого «ордена», «дружины» к массе разрозненных, децентрализованных и зачастую общеуголовных по характеру преступных действий группировок. В дальнейшем, после 1917 г., российский терроризм и радикализм можно рассматривать как одну из предпосылок кровавой гражданской войны. В рамках революционного движения и даже в рамках революционного радикализма терроризм всегда занимал крайнее положение, но прямо или косвенно одобрялся и поддерживался как социалистическими, так и анархистскими партиями. С сочувствием к террористам относилась и часть «европейски просвещенного» общества, что воодушевляло преступников, придавало их деятельности значительный размах и трагические последствия. Общий социальный контекст терроризма, таким образом, составили радикализация революционного дви-

жения, сочувствие (или молчание) социума и наличие деклассированных элементов как питательной почвы для пополнения рядов преступников-боевиков.

Что касается государственной политики противодействия терроризму, то она, конечно, была организованной и целенаправленной с времен первых террористических группировок 1860-х гг. и до крушения государства в 1917 г., но недостаточно адекватной существующей угрозе. Удавалось достичь лишь тактических успехов, ликвидации или дискредитации наиболее радикальных и централизованных группировок, но окончательного подавления терроризма правительство Российской империи так и не осуществило. Тем не менее был накоплен значительный опыт нормативной и организационной работы в части противодействия терроризму, сформирована идеологическая основа такого противодействия, содержание которой составили как труды собственно охранительного направления, так и других составляющих отечественной политико-правовой мысли. В современных условиях, когда наблюдается радикализация так называемого протестного движения, когда его инициаторы во многом используют сходные методы манипуляции сознанием молодежи, нельзя исключать и появление наряду с националистическим и религиозным еще и политического терроризма. В связи с этим важен накопленный исторический опыт противодействия такому терроризму, в связи с чем историческое исследование наряду с теоретическим приобретает и практическое значение.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX — начало XX века) : монография. М. : Политическая энциклопедия, 2016. 383 с.
2. Квасов О. Н. Терроризм в российском революционном движении (вторая половина XIX — начало XX в.) : дисс. ... д-ра. ист. наук: 07.00.02. Воронеж, 2015. 513 с.
3. Смирнов В. В. Политический терроризм в Российской империи во второй половине XIX — начале XX века. Харьков : Харьков юридический, 2010. 366 с.
4. Сафронова Ю. А. Русское общество в зеркале революционного террора, 1879–1881 годы. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 370 с.
5. Троицкий Н. А. Безумство храбрых: Русские революционеры и карательная политика царизма 1866–1882 гг. М. : Мысль, 1978. 335 с.
6. Страхов Н. Н. Борьба с Западом / сост. и комм. А. В. Белова ; отв. ред. О. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, 2010. 576 с.
7. Достоевский Ф. М. Дневник писателя. Книга очерков. М. : Эксмо, 2008. 672 с.
8. Страда В. Этика террора: от Федора Достоевского до Томаса Манна / пер. с ит. К. Янович-Страды. М. : РОССПЭН, 2014. 150 с.
9. Литвинов Н. Д. Криминологические проблемы борьбы с антигосударственным терроризмом в дореволюционной России, 1861–1917 гг. : дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. М., 2000. 408 с.
10. Колотков М. Б. Терроризм и государство: технология конфликта : монография. М. : Юрлитинформ, 2017. 184 с.
11. Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917 / пер. с англ. Е. Дорман. М. : КРОН-ПРЕСС, 1997. 445 с.
12. Колотков М. Б. Борьба с террором в России в 1907–1917 гг.: законодательство и практика : монография. М. : Юрлитинформ, 2019. 200 с.
13. История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях : дополнительное учебное пособие для студентов вузов / авт.-сост. О. В. Будницкий. ; изд. 2-е, доп. и перераб. Ростов н/Д. : Феникс, 1996. 573 с.
14. Колотков М. Б. Террор и антитеррор в России: историко-правовой аспект : монография. М. : Юрлитинформ, 2018. 184 с.
15. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократ. семьи, гражд. о-ва и правового государства : в 2 т. Т. 1. 3. изд., испр. и доп. СПб. : Дмитрий Буланин, 2000. 548 с.
16. Куликов Е. А. Очерки по истории политико-правовой мысли: евразийская парадигма : учебное пособие. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2020. 320 с.

17. Вехи: сборник статей о русской интеллигенции / ред. Константин Васильев. СПб. : Азбука: Авалонъ, 2011. 316 с.
18. Пути Евразии: Рус. интеллигенция и судьбы России : сборник / сост., вступ. ст., коммент. И. А. Исаева. М. : Рус. кн., 1992. 427 с.
19. Щербакова Е. И. «Отщепенцы». Путь к терроризму (60–80-е годы XIX века). М. : Новый хронограф, 2008. 221 с.
20. Биюшкина Н. И. Институционализация охранительной политики Российского государства во второй половине XIX в. : монография. М. : Юрлитинформ, 2016. 480 с.
21. Боханов А. Н. Российская империя. Образ и смысл. М. : ФИВ, 2020. 592 с.
22. Измозик В. С. «Черные кабинеты»: история российской перлюстрации. XVIII — начало XX века. М. : Новое литературное обозрение, 2015. 693 с.
23. Джанибебян В. Г. Провокаторы и охранка. М. : Вече, 2005. 480 с.
24. Шубинский В. И. Азеф. М. : Молодая гвардия, 2016. 350 с.
25. Николаевский Б. Н. История одного предателя / вступ. ст., коммент. В. М. Шевырина. М. : Высш. шк., 1991. 368 с.
26. Катков М. Н. Собрание сочинений. Т. 3: Власть и террор / общ. ред.: А. Н. Николукин. СПб. : Росток, 2011. 1149 с.